

Шэнь Цзуннянь отвёл его руку в сторону, не давая испачкаться. Стряхнув снег с ладоней, он поднялся, оттащил Тань Юмина подальше и бросил:

— Не мешайся.

Оглядевшись, он направился к ближайшему перелеску, насобирал веток, отсортировал их по толщине, ободрал листья и наломал на равные части. Его движения были чёткими и уверенными. Затем он нашёл снег почище и принялся лепить снеговика голову.

Тань Юмин ходил за ним по пятам. Сам он лепить не умел, зато обожал раздавать указания, и у него на всё находилось своё мнение:

— Эй, это разве похоже на человека?

— Голова размером с туловище?

— И руки какие-то...

Шэнь Цзуннянь поднял голову и посмотрел на него.

— И руки тоже весьма миленькие, — тут же поправился Тань Юмин.

Подходящих глаз для снеговика не нашлось. Тогда Шэнь Цзуннянь потянулся к своим манжетам, снял запонки и вдавил их в снег. На белоснежном фоне чистейший чёрный нефрит засиял ещё ярче.

Покидая поместье, мимо них проходила Сюй Чжиин.

— Ого, какой богатый кролик! — бросила она на прощание.

Шэнь Цзуннянь медленно поднял голову.

Тань Юмин, навалившись на него, чуть не умер со смеху. Сверкнув клыками, он решил устроить откровенный грабёж:

— О-о, генеральный директор Сюй, а не хотите ли и вы стать спонсором нашего богатенького кролика?

Сюй Чжиин как раз пребывала в превосходном расположении духа. Без лишних слов она одной рукой сняла серьгу с левого уха:

— Ловите.

Драгоценный турмалин параиба полетел в их сторону так небрежно, словно это был обычный придорожный камушек.

Тань Юмин ловко поймал украшение на лету. Раскрыв ладонь, он восхищённо присвистнул:

— Генеральный директор Сюй поистине щедра.

Даже с одной серьгой Сюй Чжиин выглядела ослепительно красивой.

— Я пошла! Увидимся после Нового года! — громко рассмеявшись, крикнула она.

Она развернулась и помахала им на прощание, оставив любоваться своей удаляющейся спиной. Молодой помощник следовал за ней по пятам, неся её тёплое манто.

Голубой камень украсил грудь снеговика: серьга превратилась в ожерелье. Тань Юмину даже захотелось снять с себя шарф и перчатки, чтобы нарядить его до конца. Снеговик Тань Юмина просто обязан был стать самым статусным в мире: глаза из чёрного нефрита, ожерелье из параибы, а уж шарф и перчатки — непременно от Burberry.

Шэнь Цзуннянь послал ему предупреждающий взгляд:

— Тань Юмин.

Тань Юмин цокнул языком, но снять их так и не осмелился. Вытащив из кармана Шэнь Цзунняня телефон, он начал фотографировать снеговика. Закатные лучи заливали снег, словно укутывая снеговика в золотую мантию. Увешанный драгоценностями, он выглядел до того нелепым, неуклюжим и зажиточным, что это дурачество обретало какую-то трогательную комичность.

Довольный Тань Юмин нащёлкал несколько десятков кадров и, выбрав самый лучший, поставил его на аватарку в социальных сетях. Изображение денежного дерева кануло в Лету.

Когда банкет подошёл к концу, Тань Юмин захотел попрощаться с Чэнь Ванем, но нигде не смог его найти. Ему ничего не оставалось, кроме как написать Чжао Шэнгэ в мессенджер:

«Куда ты увёл Чэнь Ваня?»

Спустя приличное время Чжао Шэнгэ ответил на сообщение от этого непонятного профиля с незнакомой аватаркой:

«Кто это?»

«...»

Сдерживая раздражение, Тань Юмин спросил, не хотят ли они поужинать вчетвером. Чжао Шэнгэ снова ответил лишь спустя долгое время:

«Не хотим».

Тань Юмин страшно разозлился. Всю дорогу обратно он жаловался Шэнь Цзунняню, возмущаясь, с какой стати главный разработчик роуд-шоу смеет так обращаться с инвесторами. Шэнь Цзуннянь несколько раз порывался вставить слово о своей завтрашней поездке в штат N, но так и не нашёл подходящего момента.

К тому времени, как они вернулись в апартаменты «Линкольн», уже стемнело. Тань Юмин

терпеть не мог западную еду. Он начал ныть, что замёрз и проголодался, поэтому Шэнь Цзуннянь, скинув пальто, сразу же направился на кухню. Переодевшись в уютный домашний костюм с начёсом, Тань Юмин вышел из комнаты и увидел, что Шэнь Цзуннянь кипятит воду, оставшись в одном чёрном свитере.

Высокий и статный, с широкими плечами, выразительными бровями и прямым носом, Шэнь Цзуннянь всегда производил впечатление человека сурового и не улыбочивого. И вот сейчас он в таком виде стоял у плиты с кастрюлей в руках...

Тань Юмин на мгновение завис:

— Шэнь Цзуннянь, а почему ты не переоделся?

Шэнь Цзуннянь, держа в одной руке палочки, приподнял веки и холодно отозвался:

— Разве не ты только что кричал, что умираешь с голоду?

— ...А, ну да, — Тань Юмин почесал затылок.

Шэнь Цзуннянь готовил очень быстро. Он сделал для него свиные рёбрышки на пару под соусом из чёрных бобов, потушил рыбу и сварил суп из зимней дыни с креветками. А из пары лимонов сорта «эврика» и заварки дарджилинга сообразил лимонный чай — безо льда, но сладкий.

Свежие очищенные креветки он положил в отдельную пиалу, придвинул к Тань Юмину и приказал:

— Ешь.

Тань Юмин недовольно скривил губы. Шэнь Цзуннянь, даже не поднимая головы, бросил:

— Говори.

— Ты не мог бы не делать это так... — Он бездушным жестом плюхнул перед ним тарелки, так что Тань Юмину даже ругаться перехотелось. — Даже двоюродная бабушка кормит собаку с большей лаской.

— А я кормлю свинью.

Уплетающему за обе щеки Тань Юмину было грех жаловаться. Тем более, что в доме семьи Тань он не мог требовать к себе особого отношения или привередничать в еде. Подобное сходило ему с рук только рядом с Шэнь Цзуннянем. Нельзя сказать, что стряпня Шэнь Цзунняня была каким-то кулинарным шедевром, но она идеально подходила вкусам Тань Юмина. К тому же, такое удовольствие выпадало не каждый день: Шэнь Цзуннянь готовил для него, только когда у него было свободное время.

Тань Юмин так изголодался, что у него потемнело в глазах, поэтому он набросился на еду, забыв обо всём на свете. Дождавшись, пока он почти доест, Шэнь Цзуннянь произнёс:

— Тань Юмин.

Тот вытер рот салфеткой.

— Завтра я еду в штат N.

— А? — Тань Юмин отложил палочки, поднял голову и устроил допрос с пристрастием: — Зачем? Надолго? С кем?

Шэнь Цзуннянь выбросил оставшиеся после него рыбные кости:

— По делам. На два дня. Один.

Тань Юмин заметно скис:

— Но я уже пообещал миссис Лоуренс, что мы приедем к ней в гости.

Шэнь Цзуннянь лишь хмыкнул. Семья Лоуренс была весьма уважаемой в здешних краях, а трое братьев Лоуренс носили аристократические титулы. Они очень любили Тань Юмина, ведь в студенческие годы он не раз их выручал.

— Я отвезу тебя туда перед отъездом.

Тань Юмин нахмурился, впившись в него взглядом.

Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не замечает этого, и, указав на суп, спросил:

— Будешь ещё?

— Не буду, — Тань Юмин окончательно потерял аппетит.

Шэнь Цзуннянь не стал с ним церемониться: не ешь — значит не ешь. Он просто собрал оставшуюся еду и унёс на кухню.

Тань Юмину показалось, что съеденный ужин комом встал поперёк горла: ни туда и ни сюда. Он потёр грудь и начал придирается:

— Штат N ведь совсем рядом. Почему на два дня?

Шэнь Цзуннянь ловко убирал мусор со стола. Рукава его чёрного свитера были закатаны до локтей.

— Хорошо, я вернусь в тот же день, — равнодушно ответил он.

У Тань Юмина возникло чувство, будто он со всей силы ударил кулаком в вату. Ему было обидно, но, вспомнив про отвратительную погоду, метель и опасность на дорогах, он всё же пошёл на попятную:

— Не нужно. Возвращайся на следующий день.

Однако тут же добавил с нажимом:

— Шэнь Цзуннянь, ты должен помнить о правилах.

Шэнь Цзуннянь загрузил посуду в посудомойку, нажал на кнопку и уставился на ультрафиолетовую лампу, пропустив его слова мимо ушей. Но Тань Юмин не собирался так легко отступить. Он решительно шагнул на кухню и прямо в лицо повторил:

— Шэнь Цзуннянь, ты помнишь наши правила?

А правило Тань Юмина гласило: если они находятся не в одном месте, Шэнь Цзуннянь обязан каждые три часа скидывать ему свою геолокацию.

Шэнь Цзуннянь прислонился к столешнице и молча посмотрел на него. Тань Юмин слегка опешил. Глаза Шэнь Цзунняня были пронзительными, холодными и полными амбиций. И хотя Тань Юмин целыми днями рассыпался в комплиментах то одному красавцу, то другому, в глубине души он считал, что с глазами Шэнь Цзунняня не сравнится ничто на свете.

Это не нуждалось ни в оценках, ни в объяснениях. Эти угольно-чёрные глаза напоминали ночное море: снисходительное и безмолвное, но таящее в себе бурные подводные течения. В них отражались все весны, лета, осени и зимы, прожитые Тань Юмином за последние десять с лишним лет. В них таились тысячи дней и ночей, на протяжении которых он рос.

Из-за долгого молчания Шэнь Цзунняня Тань Юмин вдруг занервничал. То самое тягостное чувство в груди снова дало о себе знать. Оно не было невыносимым, скорее едва уловимым, но заставило Тань Юмина бессознательно вытянуться по струнке. И лишь когда он услышал тихое «угу», всё его тело наконец расслабилось.

— Завтра, когда будешь уезжать, скажи мне.

Шэнь Цзуннянь снова стал тем самым до боли знакомым Шэнь Цзуннянем. Фыркнув, он безжалостно поинтересовался:

— И как мне тебе сказать? Во сне?

Погода стояла мерзкая, и выезжать предстояло ещё до рассвета.

— Тогда разбудишь меня, — потребовал Тань Юмин.

Шэнь Цзуннянь лишь отодвинул его в сторону, не ответив ни да, ни нет.

Впрочем, на следующий день Тань Юмин проснулся сам. Ему вдруг снова приснилось израненное детское лицо Шэнь Цзунняня. Красные ожоги, следы от ударов кнутом. Каждый раз, когда Шэнь Цзунняня возвращали в семью Шэнь, на его теле появлялись новые увечья.

Чтобы чувствовать себя спокойно, Тань Юмину нужно было держать его при себе, как можно ближе. А ещё лучше — вообще не отпускать ни на шаг. Он всё никак не мог привыкнуть к

мысли, что они уже давно стали самостоятельными взрослыми мужчинами, способными постоять за себя.

Раннее утро выдалось тихим. Снег ещё не пошёл, небо было свинцово-серым. Ветви виргинских кедров гнулись под тяжестью изморози, а по голым стволам секвой и аляскинских кипарисов изредка пробегали зверьки в поисках пищи. Уличные фонари всё ещё не зажглись, небо едва освещали луна и редкие звёзды. Камин в апартаментах горел ровным, тёплым светом, напоминая огромное пламя свечи.

Тань Юмину захотелось проверить погоду. Он вышел в гостиную и приоткрыл окно, впуская внутрь поток ледяного воздуха.

— Что ты делаешь? — раздался из темноты низкий холодный голос. Он звучал негромко, но был полон давящей властности.

Тань Юмин вздрогнул от неожиданности и сквозь зубы процедил:

— Ты не мог бы перестать так делать?! Появляешься из ниоткуда, как чёртов призрак, до смерти напугать можно!

Нахмурившийся Шэнь Цзуннянь просто оттащил его назад за шкирку и захлопнул окно. Пока его не будет, Тань Юмину лучше не болеть, иначе проблем не оберёшься. Простояв на сквозняке меньше полминуты, Тань Юмин уже успел отморозить нос. Сморщившись, он окинул его взглядом:

— Такая холодина, а ты пойдёшь в этом?

У Шэнь Цзунняня было отменное здоровье, поэтому даже в такой мороз он ограничился длинным костюмом и накинутым поверх него чёрным пальто — однобортным, с заострёнными лацканами и шестиугольными манжетами — и чёрным зажимом для галстука. Шэнь Цзуннянь ещё не закончил отчитывать его за выходку со сквозняком:

— А я-то думал, ты не знаешь, что такое холод.

Тань Юмин пропустил его насмешку мимо ушей. Он сбегал в свою комнату, вытащил шарф и обмотал его вокруг шеи Шэнь Цзунняня:

— Одалживаю. Как вернёшься — отдашь.

У Тань Юмина была целая коллекция шарфов, но именно этот он носил чаще всего. Шерстяной шарф отлично грел и хранил в себе какую-то особую, свойственную только Тань Юмину мягкость. Его владелец, проявив неслыханную щедрость и одновременно скардность, заявил:

— Даю только на сорок восемь часов.

В этот срок шарф обязан был вернуться к своему хозяину. В сумерках раннего утра, завязывая шарф, пальцы Тань Юмина скользнули по затылку и кадыку Шэнь Цзунняня. Их тепло на секунду задержалось на коже. Блики от потрескивающего в камине пламени метнулись в глаза

Шэнь Цзунняня и едва заметно, почти неувидимо вспыхнули в них.

Он отвёл взгляд, отстранился и, развернувшись, глухо бросил:

— Я пошёл.

— Я спущусь с тобой, — отозвался Тань Юмин.

Шэнь Цзуннянь нахмурился, собираясь отчитать его за желание снова простудиться, но Тань Юмин уже натянул шапку и открыл дверь.

Водитель семьи Тань ждал их в саду. Он никак не ожидал, что из дома выйдут двое: один — в строгом, с иголки костюме, а другой — в пушистом свитере, домашних тапочках с начёсом и вязаной шапочке. Чжан Гуансян поспешно вышел из машины:

— Молодой господин, молодой господин Цзуннянь.

— Дядя Чжан, доброе утро. — Чжан Гуансян работал в семье Тань очень давно, поэтому Тань Юмин наказал ему: — Ведите аккуратнее. Я видел в новостях, что на трассе от штата N до Монкена местами гололедица. Будьте осторожны.

Чжан Гуансян кивнул:

— Да-да, конечно, молодой господин.

Но Тань Юмин всё равно не мог успокоиться и добавил:

— Завтра вечером в Лансинии ожидается сильная метель. Постарайтесь выехать пораньше, чтобы вернуться до темноты.

Чжан Гуансян снова кивнул. Весь такой пушистый, но с невероятно серьёзным лицом, молодой господин невольно напомнил ему те времена, когда господин Тань отправлялся в дальние поездки. Госпожа точно так же провожала его до дверей, давая тысячу и одно наставление, держа на руках лепечущего маленького господина.

Вот только, по словам молодого господина Цзунняня, они уезжали всего-то на пару дней.

Шэнь Цзуннянь нахмурился, открыл дверцу, сел на заднее сиденье и скомандовал:

— Хватит, возвращайся в дом.

Тань Юмин недовольно скривился. Видя, что тот не собирается уходить, Шэнь Цзуннянь просто поднял стекло и бросил Чжан Гуансяну:

— Поехали.

В его спокойном тоне сквозила лёгкая холодность. Чжан Гуансян бросил взгляд в зеркало заднего вида на своего молодого господина.

— Дядя Чжан, — низким голосом напомнил ему Шэнь Цзуннянь.

— Да-да, — отозвался Чжан Гуансян и, игнорируя полный нежелания расставаться взгляд по ту сторону стекла, нажал на газ.

Колёса проложили колею в снегу. Когда они отъехали уже довольно далеко, в зеркале заднего вида мелькнул пушистый силуэт, который, казалось, сделал пару шагов им вслед. Шэнь Цзуннянь словно ничего не заметил и погрузился в работу за ноутбуком. И лишь когда автомобиль окончательно выехал за пределы сада, в Манчэне пошёл настоящий снегопад.

<http://bllate.org/book/17117/1603762>